

Шаяхметова В. Р.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ XX ВЕКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/7-2/77.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч. II. С. 174-176. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Государство – это тоже своеобразный миф, являющийся краеугольным камнем национальной мифологии. Бюрократическая машина мифом не является. Это именно машина, которая живет по своим собственным законам. Но это не законы мифа.

Мифологией любого типа государства является идеология. Именно она с помощью средств массовых коммуникаций создает необходимые для государства политические мифы, являющиеся политическим инструментом власти, создает систему манипулятивных средств, воздействующих на сознание масс.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ XX ВЕКА

Шаяхметова В. Р.

Пермский государственный университет

Обращение к истории страны в XX вв. показывает постоянный, непрерывный поиск моделей социального развития. Общеизвестные социальные действия российских властных структур осуществлялись в прямой зависимости от провозглашаемых политических и идеологических целей, финансовых возможностей страны. Немаловажным обстоятельством в процессе определения приоритетов социальной политики являлось наличие запросов на внутреннюю стабильность российского общества.

Капиталистический способ производства в начале XX в. подтолкнул процесс формирования некоторых элементов социального законодательства с ограниченной сферой действия, не связанных друг с другом и носящих рекомендательный характер для работодателей. Система социального страхования рабочих и социального обеспечения низов общества предлагалась на уровне разработок только социал-демократическими и либеральными партиями. Реализация социальных законов, вынужденно принятых царским правительством в 1912 г. в ответ на социально-экономические требования населения, оказалась невозможной в годы первой мировой войны, поэтому функции общественного призрения по-прежнему выполняли церковь, учреждения, благотворительные организации, землячества.

Правительство большевиков после прихода к власти приступило к созданию государственной системы социального обеспечения советских людей. Новая власть приняла около ста декретов и распоряжений в области социальной политики, декларируя, что данный комплекс социальной поддержки предназначен только для тех, кто не имеет иных источников существования, кроме оплаты за свой труд. «...Отказываясь от принципа благотворительности, рабоче-крестьянское правительство осуществляет коммунистическое социальное обеспечение, при котором каждый впавший... в нужду, каждый нетрудоспособный может надеяться, что государство не даст ему умереть с голода, а придет ему на помощь». Данная система социальной поддержки вносила новые виды материального обеспечения и услуг (пенсии по старости и инвалидности, пособия по безработице, беременности и родам, временной нетрудоспособности, на погребение усопших и др.).

В 20-30-е гг. главными препятствиями для реализации уникальной системы социального обеспечения были скудное финансовое обеспечение и нехватка кадров, но затем, по мере укрепления материальной базы Советского государства, система дополнялась новыми привилегиями и видами помощи, предоставлявшимися по категориальному принципу. Концепция социальной поддержки, начиная с 30-х гг., ориентировалась на установление относительно равного материального уровня различных социальных групп и «работала» на культивирование так называемого советского образа жизни.

В послевоенное время и до 60-х гг. руководителями государства и КПСС проводилась работа по совершенствованию социального законодательства и расширению функций системы социального обеспечения граждан. Социальное страхование и социальное обеспечение – две организационно-правовые формы социальной поддержки населения в СССР финансировались за счет прямых ассигнований из государственного бюджета. Постепенно расширялся круг лиц, получавших выплаты в различных страховых случаях.

Курс на постоянный рост благосостояния населения в СССР в «годы развитого социализма» выражался в попытках улучшить условия труда и быта советских граждан с учетом специфических интересов и потребностей различных групп (пенсионеры, молодежь, женщины, семьи с детьми и т.д.). Государство для достижения социальной однородности советского общества старалось сбалансировать уровни материальной обеспеченности и удовлетворения потребностей различных групп, ликвидировать «классовые различия, существенные различия между городом и деревней, умственным и физическим трудом...».

Общедоступность и дешевизна социальных благ преподносились населению как неоспоримые доказательства успехов коммунистического строительства и «неустанной заботы» руководителей страны о материальном благополучии народа.

Советская модель социальной защиты имела монистический характер; в качестве основного механизма ее организации и реализации выступало государство. В последующие годы система принципиально не менялась, среди ее главных элементов выделялись субсидирование жизненно важных товаров и услуг, социальная поддержка в виде государственных социальных пособий. Декларирование широких привилегий и социальная избыточность были призваны снизить социальное недовольство советских граждан, поводом для

которого могли выступить нерешенные в полном объеме социальные проблемы (необеспеченность жильем, невысокий уровень услуг здравоохранения и образования и др.).

В результате воплощения данной стратегии укоренились специфические механизмы и управленческие традиции, объективно поддерживавшие социально-экономическое отставание. Советская бюрократия от имени государства выступала монопольным работодателем и концентрировала в своих руках распределение основных социальных благ.

Инициаторы перестройки во второй половине 80-х гг. осознавали консервативный, застывший характер административной системы, потерявшей возможность мобильно реагировать на вызовы времени. Они признавали ее авторитарный характер, подчеркивая, что основные контуры этой системы формировались в чрезвычайных для СССР условиях, и считали, что для приведения ее в нормальное состояние требовалась не только модернизация действовавших политических структур, но и реальное обращение власти к свободной энергии населения.

Главную цель изменений М.С. Горбачев представил обществу следующим образом: «...необходимо «дать кислород» самой системе, ... снять тормоза, ограничения, избавить общество от несвободы и дать возможность для дальнейшего развития в рамках общечивилизационных процессов». [Перестройка 1995: 13-14] Намерения снизить масштабы социального расслоения и сократить численность социальных аутсайдеров (по оценке М.С. Горбачева, в СССР насчитывалось более 40 млн. человек с низкими доходами) [Горбачев 1990: 565] стали краеугольным принципом советской модели социальной политики.

Перестройка выявила две противоречивых тенденции; с одной стороны, отмечалась инерция массового сознания и укоренившиеся социальные притязания некоторых групп населения («государство обязано помогать»), а, с другой стороны, чувствовалась мобилизация социальной активности масс, способная поддержать объективно назревшие социально-экономические преобразования. Изъяны социально избыточной политики привели к тому, что государству при перенапряжении финансовой системы становилось все труднее соответствовать провозглашенному курсу на создание «социализма с человеческим лицом», так в период с 1986 по 1989 гг. рост бюджетного дефицита составил 5 – 9% ВВП. [Сакс 1995: 108] В стране воспроизводились негативные общественные явления и процессы, отмечался устойчивый рост инфляции и резкое падение уровня производства. Эти явления оказались настолько существенными, что они деформировали систему социальной защиты и всю общественно-политическую систему в целом.

В начале 90-х гг. методику либерализации экономики и социальной политики рекомендовали эксперты Международного Валютного Фонда и Международного банка реконструкции и развития всем странам, решившим отказаться от социалистического прошлого. Этот сценарий глобальных преобразований насаждался без учета исторических, национальных, ментальных и иных особенностей реформируемых социумов. В качестве его обязательных элементов для стран Восточной Европы выделялись борьба с инфляцией без оглядки на социальные последствия, увязывание курса национальной денежной единицы с курсом твердой валюты (т.е. курсом доллара США), коммерциализация кредитно-денежной системы и др.

Успеху российских реформ, по мнению главы правительства Е.Т. Гайдара, должны способствовать несколько факторов. Среди них он особо выделил политический распад СССР, позволяющий России без бывших союзных республик идти быстро, «как локомотив без вагонов», и использование широких возможностей западного кредитования, т.к. МВФ и МБРР готовы взять на себя роль главных советников и координаторов. Президент Б.Н. Ельцин также неоднократно подчеркивал, что российских граждан ожидает «снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а к осени 1992 года – стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей».

Построить к 1992 г. в России эффективно действующую модель рыночной экономики с одновременным проведением адекватных ей социальных мер оказалось невозможно. «Шокотерапия» усилила процессы социальной поляризации, спровоцировав рост нищеты и социальной напряженности. К наиболее трагическим последствиям радикальных изменений 1992-1994 гг. многие исследователи относили все проявления депопуляции населения.

Отказ от резкого погружения в рыночные отношения и переход в 1994 г. на либеральное реформирование, по сути, не останавливали глобальных изменений, а лишь придавали процессам социальной дифференциации населения медленный, болезненный характер. Преобразования в сфере экономики значительно опережали по темпам и масштабам изменения в социальной сфере. Этот период можно охарактеризовать как период инерционной государственной политики при «нулевом уровне» социальных инноваций. Концепция обязательной системы поддержки социально уязвимых групп населения и создания нового социально-правового пространства несла печать декларативности. Социальные действия властных структур носили конъюнктурный характер, поскольку, в основном, вызывались выборными кампаниями исполнительных и законодательных органов власти разных уровней, либо давлением протестного движения населения.

Формирующаяся в настоящее время система социального обеспечения населения носит формально-благотворительный и алиментарный характер, т.к. ориентируется на предоставление отдельных видов поддержки незначительному числу адресатов (экономически слабых и нуждающихся) и удовлетворение минимальных базовых потребностей. Признаки алиментации (ограниченности) проявляются в попытках государственной власти непрерывно повышать номинальные размеры доходов населения (МРОТ, ПМ, пенсии, пособия и т.д.) для покрытия роста инфляции. Значимость подобных мер сводится к нулю, ведь с ростом обесцененной денежной массы покупательная стоимость доходов населения, наоборот, сокращается. При этом

размеры социальной помощи государства формальны, т.е. незначительны и не способны защитить от бедности, безработицы и прочих социальных бедствий.

Авторы и инициаторы реформ в современной России не должны копировать либеральные западноевропейские социальные системы, но они обязаны изучать опыт стран, прошедших через сложную структурную перестройку. Расширенные системы социальной поддержки населения многих государств не приживутся в России из-за отсутствия необходимого ресурсного обеспечения. Несмотря на развитую культуру самообеспечения населения в странах Западной Европы, ставка на создание в них социальных государств является не только гарантией социального спокойствия, но и крайне затратным проектом. Кроме того, в Европе поступательное социальное развитие, решение периодически обостряющихся социальных противоречий основываются на фундаменте устойчивой рыночной социально-экономической системы. В России, как уже говорилось, опыт подобных отношений и решения социальных проблем посредством рыночных механизмов недолог, и ему противодействуют некоторые элементы, сохранившиеся от прежней плановой системы.

Переход на стратегию экономического роста, постоянно декларирующийся российским правительством, предъявляет высокие требования к формированию устойчивой социальной политики, ее тесной взаимосвязи с экономикой. Но несбалансированность ресурсов и обязательств на всех уровнях бюджетной системы, недостаточность финансирования социальных программ, отсутствие концентрации усилий представителей власти, общественных объединений не позволяют последовательно реализовывать меры по развитию и укреплению системы социальной защиты населения.

Перспективы экономического роста в настоящее время просматриваются недостаточно отчетливо и, несмотря на отдельные позитивные сдвиги в экономике (снижение темпов роста инфляции, развитие некоторых отраслей производства и т.п.), возможности экономического роста в значительной мере сдерживаются многими факторами. Реформирование России по-прежнему происходит без целостной долгосрочной социально-экономической концепции развития общества, реформы не несут социальной направленности. Установление рыночных структур и механизмов не связывается с обеспечением благосостояния всех членов общества и их социальной активностью. В условиях дальнейшего неблагоприятного стечения обстоятельств, отсутствия экономического роста социальные действия российского правительства будут ограничены мизерной поддержкой наиболее беднейших групп населения. Этот вариант закрывает все позитивные перспективы новой социальной действительности. Атмосфера социальной конфронтации и политической апатии может привести к стагнации общественного развития, фрустральному состоянию большинства населения, не принимающего реформы.

Список литературы

- Горбачев М. С.** Избранные речи и статьи. – М., Политиздат, 1990. - Т. 7.
Конституция СССР. – М., 1977.
Перестройка: 10 лет спустя. – М., 1995. – 98 с.
Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия. – М., 1995. – 102 с.

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Южанинова А. Л.

ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»

Проблема классификации судебных экспертиз всегда занимала важное место в работах по криминалистике и судебной экспертологии. Ее рассмотрение осуществляется в двух плоскостях: с одной стороны, определяется положение каждой судебной экспертизы в общей системе судебных экспертиз, а с другой, – устанавливается внутренняя дифференциация экспертиз в рамках конкретной экспертизы.

Общая система судебных экспертиз состоит из классов, родов, видов и разновидностей. С точки зрения Е.Р. Россинской, основаниями подразделения судебных экспертиз на роды и виды являются характер исследуемых объектов в совокупности с решаемыми задачами. В классы же объединяются роды судебных экспертиз, относящиеся к одной или близким отраслям специальных знаний, которые к тому же используют сходный инструментарий. Как отмечает Е.Р. Россинская, классы экспертиз – это наиболее динамичная, изменяющаяся категория, в наибольшей степени зависящая от интеграции и дифференциации научного знания [Россинская 2006: 139, 140, 142].

Классификация и систематизация существующих судебных экспертиз имеют важное теоретическое и практическое значение. В теоретическом отношении такое упорядочивание позволяет выделить направления методического и организационного обеспечения судебных экспертиз [Холопова 2004: 10]. На практике решение вопроса о классификации дает возможность лицу, назначающему судебную экспертизу, сделать правильный выбор соответствующего рода (вида) экспертизы, а также определить, что должно входить в компетенцию эксперта [Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. 2005: 415]. Кроме того, группировка судебных экспертиз по классам используется при составлении программ